LE TRADUZIONI IMPOSSIBILI

LE TRADUZIONI IMPOSSIBILI

NIKOLAJ GOGOL’

LA NOTTE PRIMA DI NATALE

Ночь перед Рождеством

Traduzione nella lingua di Carlo Gozzi

Testo originale russo a fronte

AD VERITATEM

Nikolaj Gogol’

La notte prima di Natale

Traduzione nella lingua di Carlo Gozzi

Traduzione e nota: Ad Veritatem

© 2026 Luigi Gaggero per la traduzione italiana, la nota e gli apporti originali della presente edizione.

Tutti i diritti riservati.

Ad Veritatem · adveritatem.it

ISBN 979-12-5831-035-5

INDICE

La notte prima di Natale 7

La luna e le maschere 93

Nota al testo 97

Note editoriali 99

Ultime pubblicazioni 101

Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать и славить Христа.[1] Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрып мороза под сапогом слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкою, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрыпучий снег.

Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остается дома, колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж, если сказать правду, то в колядках и слова нет про коляду. Поют часто про рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. Замечание пасичника.

Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом черными смушками, с дьявольски-сплетенною плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, приметил ее, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнет. Он знает наперечет, сколько у каждой бабы свинья мечет поросенков и сколько в сундуке лежит полотна и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость.

А ведьма, между тем, поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре еще блестели. Вдруг, с другой стороны показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко.

Passò l'ultimo giorno innanzi al Natale. Sopraggiunse una notte d'inverno limpida e serena. Si mostrarono le stelle. La luna si levò maestosamente in cielo per far lume alla buona gente e a tutto il mondo, affinché ciascuno potesse andare allegramente di casa in casa, cantando le coljádki e lodando Cristo.[1] Il gelo era più pungente che al mattino; ma regnava una quiete tale, che lo scricchiolio della neve gelata sotto uno stivale s'udiva a mezza versta di distanza. Non s'era veduta ancora una sola brigata di giovanotti sotto le finestre delle case; la luna soltanto vi sbirciava di soppiatto, quasi invitando le ragazze, tutte intente ad abbigliarsi, a uscir presto sulla neve scricchiolante.

Da noi si chiama coljadare l'andare la vigilia di Natale a cantare sotto le finestre certe canzoni che hanno nome di coljádki. A chi canta la padrona, o il padrone, o chi altri rimane in casa, getta sempre nel sacco una salsiccia, un pezzo di pane, una moneta di rame, ciascuno secondo la sua possibilità. Dicono che un tempo vi fosse un idolo chiamato Koljada, che si teneva per un dio, e che di là avessero origine le coljádki. Chi lo sa? Non tocca a noi, povera gente, metterci a disputare di tali cose. L'anno passato padre Osip tentò di proibire che si andasse coljadando per i casali, sostenendo che con ciò il popolo faceva piacere a Satana. Ma, a dir proprio il vero, nelle coljádki non v'è una parola intorno a Koljada. Si canta spesso della nascita di Cristo e, alla fine, s'augura salute al padrone, alla padrona, ai figliuoli e a tutta la casa. Nota dell'apicoltore.

Ed ecco che dal camino d'una casa il fumo uscì a grandi volute e, raccoltosi in una nuvola, si distese per lo cielo; e insieme col fumo s'alzò una strega a cavalcioni d'una scopa.

Se in quel punto fosse passato di là l'assessore di Soročincy, sopra una trojka di cavalli a nolo, col berretto all'uso degli ulani orlato di pelliccia d'agnello, un pellicciotto turchino foderato d'agnellino nero, e una frusta intrecciata con arte veramente diabolica, colla quale soleva incitare il suo cocchiere, egli l'avrebbe certamente veduta; poiché non v'è strega al mondo che possa sfuggire all'assessore di Soročincy. Costui sa per filo e per segno quanti porcellini partorisca la scrofa d'ogni donna, quanta tela si conservi in ciascun cassone, e quale abito o arnese di casa un galantuomo andrà a impegnare la domenica all'osteria. Ma l'assessore non passava di là; e poi che aveva egli a fare colla gente d'altri luoghi? Gli bastava il suo distretto.

La strega, frattanto, s'era levata tanto in alto, che lassù non appariva più se non un puntolino nero. E dovunque quel puntolino si mostrasse, le stelle, una dopo l'altra, sparivano dal cielo. In breve la strega ne ebbe piena una manica. Tre o quattro ancora risplendevano. Quand'ecco, dall'altra parte, comparve un altro puntolino; crebbe, s'allungò, e non fu più un puntolino.

Близорукий, хотя бы надел на нос, вместо очков, колеса с комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое.

Спереди совершенно немец:[2] узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка, оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пятачком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чорт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей.

Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — всё немец.

Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу. Между тем чорт крался потихоньку к месяцу, и уже протянул было руку, схватить его; но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдернул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чорт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чем ни бывал, побежал далее. В Диканьке никто не слышал, как чорт украл месяц.

Правда, волостной писарь, выходя на четверенках из шинка, видел, что месяц, ни с сего, ни с того, танцовал на небе, и уверял с божбою в том всё село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех.

Но какая же была причина решиться чорту на такое беззаконное дело?

Un miope, quand'anche invece degli occhiali si fosse messo sul naso le ruote del calesse del commissario, non avrebbe saputo distinguere che cosa fosse.

Davanti, un perfetto tedesco:[2] un musetto stretto, che non cessava di voltarsi e di fiutare ogni cosa che gli capitasse, terminava, come quello de' nostri porci, in un grugnetto tondo; le gambe poi erano tanto sottili, che, se le avesse avute il capo del villaggio di Jareski, se le sarebbe rotte al primo kozačok. Di dietro, per contro, era un vero procuratore provinciale in uniforme; poiché gli pendeva una coda lunga ed aguzza quanto le falde delle giubbe che portano oggi cotesti signori. Solamente la barbetta caprina sotto il muso, i due cornetti che gli spuntavano sul capo e il non essere egli più bianco d'uno spazzacamino potevano far sospettare che non si trattasse né d'un tedesco né d'un procuratore provinciale, ma d'un diavolo bell'e buono, al quale rimaneva un'ultima notte per andarsene attorno pel mondo e insegnare alla buona gente a peccare.

Da noi si chiama tedesco chiunque venga da un paese straniero: sia francese, sia austriaco, sia svedese, per noi è sempre un tedesco.

All'indomani, alle prime campane del mattutino, egli sarebbe tornato di corsa alla sua tana senza voltarsi, colla coda fra le gambe. Intanto il diavolo s'accostava pian piano alla luna, e già stendeva la mano per afferrarla, quand'ecco la ritrasse di scatto, come chi si fosse scottato; si succhiò le dita, dimenò una gamba, si fece dall'altra parte, si slanciò di nuovo, e di nuovo balzò indietro ritirando la mano. Ma il furbo diavolo, malgrado cotesti contrattempi, non volle abbandonare le sue malizie. Le corse incontro e d'un tratto l'afferrò con ambe le mani; poi, facendo smorfie e soffiandovi sopra, se la gittava dall'una mano all'altra, come un contadino che abbia preso a mani nude una brace per accendersi la pipa. Finalmente se la cacciò in fretta in tasca e proseguì la corsa, come se nulla fosse accaduto. A Dikan'ka nessuno udì come il diavolo avesse rubato la luna.

È ben vero che lo scrivano del distretto, uscendo dall'osteria a quattro zampe, aveva veduto la luna, senza ragione alcuna, mettersi a ballare in cielo, e andava giurando a tutto il villaggio che la cosa era verissima; ma que' buoni abitanti crollavano il capo, e per giunta se ne ridevano.

Ma quale mai ragione aveva indotto il diavolo a commettere una simile enormità?

А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашен дьяком на кутю, где будут: голова; приехавший из архиерейской певческой родич дьяка, в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и еще кое-кто; где, кроме кути, будет варенуха, перегонная на шафран водка и много всякого съестного.

А между тем его дочка, красавица на всем селе, останется дома, а к дочке наверное придет кузнец, силач и детина хоть куда, который чорту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всем околодке. Сам еще тогда здравствовавший сотник Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить досчатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ, были размалеваны кузнецом.

Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых, и теперь еще можно найти в Т... церкве его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалеванная на церковной стене в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный чорт метался во все стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем, чем ни попало.

В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал ее на большой деревянной доске, чорт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на всё, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры чорт поклялся мстить кузнецу. Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-нибудь выместить на кузнеце свою злобу. И для этого решился украсть месяц в той надежде, что старый Чуб ленив и не легок на подъем, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла по за селом, мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. Еще при месячной ночи варенуха и водка, настоенная на шафран, могла бы заманить Чуба.

Но в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с печки и вызвать из хаты.

Eccola: sapeva che il ricco cosacco Čub era invitato dal sagrestano a mangiare la kutjà; che vi si sarebbero trovati il capo del villaggio, un parente del sagrestano venuto dalla cantoria episcopale, vestito d'una giubba turchina e capace di cavare il più profondo dei bassi, il cosacco Sverbyguz e qualche altro; e che, oltre alla kutjà, ci sarebbero stati la varenucha, la vodka distillata allo zafferano e ogni sorta di vivande.

Intanto sua figlia, la più bella fanciulla del villaggio, sarebbe rimasta sola in casa; e non sarebbe mancato di venirle a far visita il fabbro, giovanotto forte e ben piantato, che al diavolo riusciva più odioso delle prediche di padre Kondrat. Quando la fucina gli lasciava qualche ora libera, il fabbro si dilettava di pittura ed era tenuto per il miglior pittore di tutto il contado. Il sotnik L...ko, che allora era ancora vivo, l'aveva chiamato apposta a Poltava per dipingergli lo steccato di tavole intorno a casa. Tutte le scodelle nelle quali i cosacchi di Dikan'ka sorbivano il borščˇ erano state dipinte da lui.

Era il fabbro un uomo timorato di Dio, e sovente dipingeva immagini di santi; ancor oggi, nella chiesa di T..., si può vedere un suo san Luca evangelista. Ma il trionfo dell'arte sua era un quadro collocato sulla parete del vestibolo destro della chiesa: vi si vedeva san Pietro, nel giorno del Giudizio universale, colle chiavi in mano, che cacciava lo spirito maligno fuori dell'inferno. Il diavolo, spaventato e presago della sua rovina, correva da una parte all'altra; e i peccatori, sino allora tenuti prigionieri, gli davano addosso a colpi di frusta, di legna e di quanto capitava loro fra le mani.

Mentre il pittore lavorava a quel quadro, dipingendolo sopra una gran tavola di legno, il diavolo fece ogni sforzo per impedirglielo: gli urtava invisibilmente il braccio, sollevava la cenere dalla fornace della fucina e gliela spargeva sulla pittura. Ma, con tutto ciò, il lavoro fu condotto a termine, la tavola portata in chiesa e incastrata nella parete del vestibolo; e da quel giorno il diavolo giurò di vendicarsi del fabbro. Non gli restava che una notte da passare in giro per il mondo; e nondimeno cercava ancora qualche maniera di sfogare contro di lui la propria rabbia. Per questo aveva risoluto di rubare la luna, contando sulla pigrizia del vecchio Čub, che non era uomo da mettersi facilmente in moto. La casa del sagrestano, del resto, non era lì presso: bisognava uscire dal villaggio, passare i mulini, il cimitero e girare intorno a un burrone. Col chiaro di luna, la varenucha e la vodka allo zafferano avrebbero potuto allettare Čub a far quella strada.

Ma con una simile oscurità chi mai sarebbe riuscito a tirarlo giù dal ripiano della stufa e a fargli varcare la soglia?

А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нем ни за что не отважится итти к дочке, несмотря на свою силу. Таким-то образом, как только чорт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякой бы нашел дорогу к шинку, не только к дьяку. Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула.

Тут чорт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду. Чудно устроено на нашем свете! Всё, что ни живет в нем, всё силится перенимать и передразнивать один другого. Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах, а всё мелкое чиновничество носило просто нагольные. Теперь же и заседатель, и подкоморий отсмалили себе новые шубы из решетиловских смушек с суконною покрышкою.

Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли синей китайки по шести гривен аршин. Пономарь сделал себе на лето нанковые шаровары и жилет из полосатого гаруса. Словом, всё лезет в люди! Когда эти люди не будут суетны! Можно побиться об заклад, что многим покажется удивительно видеть чорта, пустившегося и себе туда же. Досаднее всего то, что он, верно, воображает себя красавцем, между тем как фигура — взглянуть совестно. Рожа, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры! Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними.

„Так ты, кум, еще не был у дьяка в новой хате?“ говорил козак Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому в коротком тулупе мужику с обросшею бородою, показывавшею, что уже более двух недель не прикасался к ней обломок косы, которым обыкновенно мужики бреют свою бороду за неимением бритвы. „Там теперь будет добрая попойка!“ продолжал Чуб, осклабив при этом свое лицо. „Как бы только нам не опоздать“.

При сем Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, нахлобучил крепче свою шапку, стиснул в руке кнут — страх и грозу докучливых собак, но, взглянув вверх, остановился...

E il fabbro, che col vecchio Čub non andava d'accordo da gran tempo, non avrebbe mai osato, per forte che fosse, presentarsi alla figlia in presenza del padre. Ecco dunque perché, appena il diavolo ebbe ficcata la luna in tasca, tutto il mondo diventò buio a tal segno che non tutti avrebbero saputo trovare nemmeno la strada dell'osteria, figurarsi quella del sagrestano. La strega, trovandosi di repente nelle tenebre, mandò un grido.

Allora il diavolo, accostandosi con certe mossette da diavoletto, le prese il braccio e cominciò a bisbigliarle all'orecchio quelle cose che si sogliono bisbigliare alle donne. Che strana macchina è mai questo nostro mondo! Non v'è creatura che non s'affatichi a imitare e scimmiottare le altre. Un tempo, a Mirgorod, soltanto il giudice e il governatore della città si facevano vedere d'inverno con pellicce rivestite di panno, mentre i piccoli impiegati portavano i loro pellicciotti col cuoio scoperto, senza rivestimento. Ora persino l'assessore e il podkomorij si sono fatti fare nuove pellicce di pelli d'agnello di Rešetilovka, tutte ricoperte di panno.

Due anni or sono, il cancelliere e lo scrivano del distretto si comprarono della kitajka turchina al prezzo di sei grivne per aršin. Il campanaro s'è fatto, per l'estate, un paio di larghi calzoni di nanchino e un panciotto di lana rigata. In una parola, tutti vogliono far figura! Quando mai gli uomini cesseranno d'essere vanitosi? Scommetto che taluno si stupirà che anche il diavolo si sia messo a questa scuola. Peggio ancora è il pensare ch'egli certamente si crede un bel garzone, laddove basta guardarlo per provar vergogna della sua figura. Il muso, come dice Foma Grigor'evič, è un orrore d'orrori; e nondimeno costui si dà alle galanterie! Ma nel cielo e sotto il cielo s'era fatta una tale oscurità, che non si poté vedere quel che fra loro due avvenisse in seguito.

«Dunque, compare, non sei ancora stato dal sagrestano nella sua casa nuova?» diceva il cosacco Čub, uscendo dall'uscio della propria abitazione, a un contadino alto e magro, col pellicciotto corto e una barba così folta da far conoscere che da più di due settimane non l'aveva toccata quel pezzo di falce con cui i contadini, non avendo rasoio, sogliono radersi. «Ci sarà una bella bevuta, questa sera!» seguitò Čub, allargando la bocca in un sorriso. «Purché non si arrivi troppo tardi».

Ciò detto, Čub s'aggiustò la cintura che gli stringeva il pellicciotto, si calcò meglio il berretto sul capo e afferrò il frustino, spavento e terrore de' cani importuni; ma, alzando lo sguardo, si fermò a un tratto.

„Что за дьявол! Смотри! смотри, Панас!..“
„Что?“ произнес кум и поднял свою голову также вверх.
„Как что? месяца нет“.
„Что за пропасть? В самом деле нет месяца“.
„То-то что нет“, выговорил Чуб с некоторою досадою на неизменное равнодушие кума: „тебе, небось, и нужды нет“.

„А что мне делать!“
„Надобно же было“, продолжал Чуб, утирая рукавом усы: „какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось, собаке, поутру рюмки водки выпить, вмешаться!.. Право, как будто на смех... Нарочно, сидевши в хате, глядел в окно: ночь — чудо. Светло; снег блещет при месяце. Всё было видно как днем. Не успел вытти за дверь, и вот, хоть глаз выколи!“ Чуб долго еще ворчал и бранился, а между тем, в то же время, раздумывал, на что бы решиться.

Ему до смерти хотелось покалякать о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и приезжий бас, и дегтярь Микита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги и отпускавший такие шутки, что все миряне брались за животы со смеху. Уже видел Чуб мысленно стоявшую на столе варенуху. Всё это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лени, которая так мила всем козакам.
Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы, без всякого сомнения, решился на последнее, если бы был один, но теперь обоим не так скучно и страшно итти темною ночью, да и не хотелось таки показаться перед другими ленивым или трусливым. Окончивши побранки, обратился он снова к куму.

„Так нет, кум, месяца?“
„Нет“.
„Чудно, право. А дай понюхать табаку! У тебя, кум, славный табак! Где ты берешь его?“
„Кой чорт, славный!“ отвечал кум, закрывая березовую тавлинку, исколотую узорами. „Старая курица не чихнет!“

«Che diavoleria è questa? Guarda, guarda, Panas!...»
«Che cosa?» fece il compare, levando anch'egli la testa.
«Come, che cosa? La luna non c'è più!»
«Che malanno! Davvero che la luna non c'è».
«Appunto, non c'è!» ribatté Čub, alquanto seccato dall'imperturbabile indifferenza del compare. «Ma a te, scommetto, non importa nulla».

«E che ci ho da fare io?»
«Ci voleva proprio,» ripigliò Čub, asciugandosi i baffi colla manica, «che qualche diavolo ficcasse il naso anche qui! Che a quel cane non tocchi mai più di bere un bicchierino di vodka al mattino! Pare lo faccia per burlarsi di noi... Ero seduto in casa, guardavo apposta dalla finestra: una notte da incanto! Chiara, la neve luccicava al lume della luna; si vedeva ogni cosa come fosse giorno. Non ho fatto in tempo a metter piede fuori, che adesso ci si potrebbe cavare gli occhi senza veder lume!» Čub seguitò un pezzo a brontolare e a imprecare; e intanto andava pensando quale partito prendere.

Aveva una voglia matta di andare dal sagrestano a ciarlare d'ogni sorta di sciocchezze. Là, senza dubbio, si trovavano già il capo del villaggio, quel basso forestiero e Mikita il venditore di pece, che ogni quindici giorni andava ai mercati di Poltava e raccontava facezie tali da far tenere il ventre dalle risa a tutti i paesani. Čub già si figurava la varenucha sulla tavola. Erano, a dir vero, tentazioni di qualche peso; ma il buio gli faceva tornare in mente quella pigrizia che è tanto cara a tutti i cosacchi.
Quanto sarebbe stato bello starsene disteso sul ripiano caldo della stufa, colle gambe raccolte, fumare in pace la pipa e udire, attraverso una dolce sonnolenza, le coljádki e i canti delle allegre brigate di giovanotti e fanciulle radunate sotto le finestre! Se fosse stato solo, non v'è dubbio che avrebbe scelto quest'ultimo partito; ma in due, a camminare di notte, si sente meno noia e meno paura, e neppure voleva farsi tenere dagli altri per pigro o codardo. Terminato di brontolare, si rivolse nuovamente al compare.

«Dunque, compare, la luna proprio non c'è?»
«Non c'è».
«Curioso, davvero. E dammi un po' di tabacco da fiutare! Hai un ottimo tabacco, compare! Dove lo pigli?»
«Ottimo un corno!» rispose il compare, richiudendo la tabacchiera di betulla tutta intagliata. «Non farebbe starnutire una vecchia gallina!»